Артур Конан Дойл

Ритуал Масгрейвов

Часть сборника
Самые знаменитые расследования Шерлока Холмса

Артур Конан Дойл

Ритуал Масгрейвов

«Эксмо»

1893

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Дойл А.

Ритуал Масгрейвов / А. Дойл — «Эксмо», 1893

«В характере моего друга Шерлока Холмса меня постоянно поражало одно противоречие: хотя в мышлении он был аккуратнейшим и методичнейшим человеком на всем белом свете, и хотя в одежде он соблюдал определенную чинность, личные привычки превращали его в одного из самых неряшливых людей, которые когда-либо доводили до исступления тех, кто делил с ним кров. Не то чтобы в этом отношении я сам был уж таким великим аккуратистом. Тяготы работы в Афганистане вдобавок к природной богемности характера сделали меня более безалаберным, чем подобает врачу…»

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Дойл А., 1893
© Эксмо, 1893

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 7

Артур Конан Дойл
Ритуал Масгрейвов

В характере моего друга Шерлока Холмса меня постоянно поражало одно противоречие: хотя в мышлении он был аккуратнейшим и методичнейшим человеком на всем белом свете, и хотя в одежде он соблюдал определенную чинность, личные привычки превращали его в одного из самых неряшливых людей, которые когда-либо доводили до исступления тех, кто делил с ним кров. Не то чтобы в этом отношении я сам был уж таким великим аккуратистом. Тяготы работы в Афганистане вдобавок к природной богемности характера сделали меня более безалаберным, чем подобает врачу. Но и у меня есть свой предел, и, когда я встречаю человека, который хранит свои сигары в угольном совке, свой табак в носке персидской туфли, а ждущую ответа корреспонденцию пришпиливает складным ножом к деревянной каминной полке, я начинаю принимать добродетельный вид. Кроме того, я всегда считал, что упражнениями в пистолетной стрельбе следует заниматься сугубо под открытым небом, и когда Холмс в одном из странных своих настроений располагался в кресле с пистолетом, стрелявшим при легчайшем нажатии на спусковой крючок, с сотней патронов и принимался украшать противоположную стену патриотическим «V R»[1] из пулевых отверстий, я болезненно ощущал, что это не способствует ни улучшению атмосферы, ни внешнему виду нашей гостиной.

Наша квартира всегда была полна химикатами и сувенирами на память о преступниках, и они вечно умудрялись проникать куда не следует, оказываясь в масленке или даже в еще более неподходящих местах. Однако величайшим моим крестом были его бумаги. Он питал ужас к уничтожению старых документов, особенно имевших отношение к его прошлым делам. Тем не менее раз в год или около того он собирался с силами, чтобы пометить и рассортировать их; ведь, как я уже упоминал в этих беспорядочных воспоминаниях, взрывы яростной энергии, когда он добивался триумфов, с которыми ассоциируется его имя, затем сменялись приступами летаргии, когда он лежал на диване со своей скрипкой и книгами, почти не вставая, разве только чтобы перейти к столу. И тогда месяц за месяцем его бумаги вновь накапливались, пока все углы его комнаты не оказывались завалены сотнями рукописей, которые без разрешения владельца не то чтобы сжечь, но даже и тронуть не смел никто. Как-то в зимний вечер, когда мы вместе сидели у камина, я осмелился намекнуть, что поскольку он завершил наклейку вырезок в свою тетрадь, то мог бы потратить ближайшие два часа на то, чтобы привести комнату в более жилой вид. Законность моей просьбы он отрицать не мог, а потому с довольно-таки огорченным лицом пошел в свою спальню, откуда появился, волоча за собой жестяной сундук. Он поставил сундук посреди гостиной, примостился перед ним на табурете, откинул крышку, и я увидел, что сундук уже на треть полон пачками бумаг, перевязанных красным шнуром.

– Тут дел с избытком, Ватсон, – сказал он, глядя на меня с мягкой насмешкой. – Думаю, знай вы обо всем, что у меня тут уложено, вы попросили бы вытащить кое-какие наружу, а не укладывать новые внутрь.

– Значит, это записи ваших первых дел? – спросил я. – Мне часто хотелось иметь заметки об этих делах.

– Да, мой мальчик, все тут завершилось преждевременно, до того как появился мой биограф, дабы прославить меня. – Он приподнимал пачку за пачкой с нежной бережливостью. – Не все они завершались успешно, Ватсон, – сказал он. – Но среди них несколько недурных проблем. Вот запись о Тарлетонских убийствах; и дело Вамберри, виноторговца; и приключе-

[1] V R – «Victoria Regina» – Виктория Королева (*лат.*).

ние русской старухи; уникальное дело с алюминиевым костылем, а также полный отчет о колченогом Риколетти и его отвратительной жене. А вот… да-да! Это и правда кое-что recherché[2].

Он погрузил руку на самое дно сундука и вынул деревянную шкатулку с выдвижной крышкой, такую, в каких хранятся детские игрушки. Из нее он извлек смятый листок бумаги, старинный медный ключ, колышек с намотанной на нем бечевкой и три заржавелых металлических диска.

[2] *Зд.*: оригинальное *(фр.)*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.